

Выходить ежедневно утромъ.

Цена отдѣльнаго номера:
въ Латвіи: по воскр. и праздни.
16 сант. (3 латв. руб.)
въ Литвѣ: за оба издан. 50 рш.
Польшкѣ: за оба издан. 50 рш.
за утрел. 30
воскр. 35

СЕГООДНЯ

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За строку петита или заним. ею мѣсто — въ Латвіи
въ текстъ Ls 1.40 (70 р. латв.)
предл. труда —14 (7 " ") } + 5%
позади текста —34 (17 " ") } гор.
налога

Редакція, главная контора и экспедиція:
РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.

Телефонъ редакціи 199, гл. конторы 59-90.
Отдѣленіе конторы: Рига, Известковая 13, тел. 3-24.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5 до 7 час. вечера
Главная контора открыта отъ 9 час. утра до 5 час. вечера.
Рукописи не возвращаются.

Подписная плата въ мѣс. за 7 ном. въ недѣлю
въ Латвіи Ls 3.50 (175 руб.)
Заграницей 5.20 (260 ")
" 1 амер. дол.

Почтовый ящикъ № 83.

Текущіе счета
въ почтовомъ отдѣленіи въ Ригѣ . . . № 113
банкъ Латвіи № 534.
коммерческомъ банкѣ, Ковно № 638.

„Дядя Ваня“ на англійской сценѣ.

(Письмо изъ Лондона.)

Всѣмъ за прекрасной постановкой «Ваня», Ф. Ф. Комиссаржевскій поставилъ для того же театральнаго антрепренера «Дядю Ваню» въ одно изъ пригородныхъ театровъ. Собрала отличная труппа. Роль Серебрякова исполняетъ молодой русскій актеръ Рапескій, знакомый лондонскій публикѣ по пьесѣ Сарду, шедшей здѣсь подъ названіемъ «Дипломатія», въ которой онъ исполняетъ съ большимъ успѣхомъ одну изъ главныхъ ролей. Пальма первенства въ «Дядѣ Ванѣ» принадлежитъ женскому персоналу, въ особенности исполнительницѣ роли Соня. Роль эту играетъ молодая артистка, дочь знаменитаго актера Форбзъ Робертсона и американской артистки Гертруды Эллотъ. Превъщенный и чуткій драматическій критикъ «Таймса» пишетъ, что исполненіе роли Соня имѣетъ Форбзъ Робертсонъ даетъ англійскому театру новое основаніе гордиться ея именемъ. Хотя и живо помню какъ Лилину, такъ и В. Ф. Комиссаржевскую въ этой роли — и въ особенности ясно звучитъ въ моихъ ушахъ, несмотря на долгіе годы, голосъ Веры Феофановны въ заключительной сценѣ — долженъ признать, что молодая англійская артистка оказалась на одинаковомъ художественномъ уровнѣ съ этими двумя прекрасными русскими талантами.

Въ противность постановкѣ «Винсена Сада» подлѣ англійскимъ режиссерствомъ, оказавшейся, какъ я писалъ въ свое время, злой пародіей на Чехова — благодаря умному и просвѣщенному режиссерству Комиссаржевскаго «Дядя Ваня» пред-

ставленъ въ надлежащихъ тонахъ. Всякія сравненія съ Москвитинъ Художественнымъ театромъ — пошевогъ напрашивающіяся, должны быть отброшены: у Комиссаржевскаго было слишкомъ мало времени, чтобы достигнуть съ англійской труппой той «абсолютной» сыгранности и живости, которую давали москвичи. А кромѣ того, разумеется, англійскіе актеры по самому свойству своей школы и темперамента не могли подняться до высотъ самого Станиславскаго — Астрова — и Артема — Телѣгина.

Наиболѣе серьезные и вдумчивые критики въ англійск. прессѣ относятся къ Чехову благоговѣйно. Они видятъ и сознаютъ многогранную красоту его драматическаго творчества и воздаютъ ему, пожалуй, болѣе высокую хвалу, чѣмъ въ свое время воздавали сами русскіе. И все-таки нѣкоторые оттѣнки этого радужнаго, теплаго блеска ускользаютъ отъ ихъ глаза въ силу незнакомства съ русской жизнью, описываемой Чеховымъ. Въ англійской жизни нѣтъ мѣста Телѣгинимъ. «Лишніе люди» строго уравновѣшеннымъ механизмомъ этой жизни стираются въ порошокъ, не вызывая къ себѣ того почти любовнаго отношенія — именно благодаря безпомощности — которое проявляетъ къ Телѣгину Астровъ. Фигура, описанная съ натуры съ неподражаемой правдивостью, кажется поэтому критику «мягкимъ гротескомъ».

Астрова тотъ же критикъ характеризуетъ какъ «одареннаго искрой гения, которая никогда не раз-

горится въ пламя или въ страсть, съ символической любовью къ львоводству, которую тяжелый докторскій трудъ никогда не дастъ ему возможности удовлетворить».

«Соня, — пишетъ критикъ, — стоитъ какъ скала среди волнующагося внутренняго моря разочарованныхъ порывовъ и жалости къ самимъ себѣ — составляющаго семейную обстановку Серебрякова. Она, окружающая, пускаютъ мысли по этому внутреннему морю, какъ дѣти пускаютъ бумажные корабли по пруду, слѣдятъ за ходомъ этихъ лодочекъ, безъ руля и безъ вѣтра, уносящихся то туда, то сюда порывами страсти. Если и интересуются сохраненіемъ и направленіемъ этихъ лодочекъ, они не дѣлаютъ сознательнаго, разумнаго усилія сохранить ихъ. Какое имъ дѣло до Соня и ея стремленій? Они просто о ней не думаютъ. И благодаря тому, что они ее по общему имъ вѣсѣ импульсу изолируютъ — она кажется намъ, наблюдающимъ со стороны, свѣтлой фигурой на фонѣ ихъ передрагъ».

«Дядя Ваня», — продолжаетъ критикъ, — изрѣдка выдѣляется изъ этого фона, и имѣетъ значеніе, поскольку онъ дополняетъ Соню. Его значеніе въ пьесѣ не столько въ немъ самомъ, сколько въ его отношеніи къ Сонѣ... Это особенно ясно въ послѣдней сценѣ. Это есть отношеніе между жизнью, которую мы наблюдаемъ на ея закатѣ, какъ оказавшуюся безплодной, и болѣе трагичной молодой жизнью, расстривавшей попустому раньше, чѣмъ она успѣла подлинно начаться».

Я привелъ только краткія выдержки изъ статьи одного изъ выдающихся лондонскихъ критиковъ, какъ показателъ вдумчиваго отношенія къ Чехову. Критикъ этотъ не настаиваетъ, подобно большинству, на «иррациональности и кажущемся безмысліи» русской жизни. Онъ подходитъ къ Чехову, какъ выразителю настроеній и стремленій не одной

только русской провинціальной среды восьмидесятихъ годовъ, а какъ «пѣвцу обывающаго» — по выраженію гениальнаго американскаго поэта Валта Витмана.

Для насъ русскихъ, давно стало аксіомой въ пониманіи Чехова, что онъ съ особой нѣжностью относится къ «нищимъ духомъ», къ косноязычнымъ и метущимся. Не Лопухины и Серебряковы и Тригорны, а Рапескій, Дядя Ваня и Треплевъ — оазисы у Чехова теплыми внутренними огнемъ. Равной англійскій зритель — и къ сожалѣнію большинство критиковъ — недостаточно ясно видитъ это различіе. Изъ представляется, что Чеховъ рисуетъ только однихъ «нищихъ духомъ», символизирующихъ русскую жизнь. И жизнь эта поэтому представляется имъ какою то бедною. Чеховскія фигуры не утѣшаются въ разбѣреннѣйшій укладъ англійской жизни. Въ средѣ англійскаго общества, соответствующей той, которую рисуетъ Чеховъ, нѣтъ мѣста не только «лишнимъ людямъ», косноязычнымъ, безпомощнымъ Телѣгинимъ. Въ ней все разбирательно и аккуратно, и не стонутъ символически «въ Москву, въ Москву» тѣ многочисленные Маши, Принны и Ольги, которыя также задавлены обывающей и безпробудностью, какъ чеховскія сестры. Англійскимъ Принамъ, Машамъ и Ольгамъ не грозитъ тотъ день, когда миръ и счастье водворятся на землѣ, Сонямъ — новизна, прекрасная жизнь и небо въ алмазахъ; для англійской Соня — достаточно «отдыха» на «уикъ-эндѣ».

Несмотря на то, что въ силу различій національнаго темперамента и строя жизни полное пониманіе Чехова недоступно большой публикѣ въ Англии, несомнѣнно, что Чеховскія пьесы въ настоящее время удовлетворяютъ подмѣченной нѣсколько времени тому назалѣ потребности публики въ драматической литературѣ, служащей не только для постобывающаго развлечения, но дающей пищу уму и сердцу.

Б. Д. НАБЕКОВЪ.